

Цена 20 коп.

ЗВЕРСТВА НЕМЦЕВ НАД ПЛЕННЫМИ КРАСНОАРМЕЙЦАМИ

(РАССКАЗЫ БЕЖАВШИХ ИЗ ПЛЕНА,
ДОКУМЕНТЫ И ФАКТЫ)

Библиотека
Книга № 20
Солдаты

ВОЕНИЗДАТ НКВД СССР 1942

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. Документы и факты о зверствах немцев	7
2. Рассказы бежавших из немецкого плена	31
3. Лучше смерть, чем фашистский плен	51

Редактор *И. Г. Гаврилин*

Подписано к печати 3.4.42. Г 84007. Объем 2 печ. л.
2 уч.-авт. л. В печ. л. 44640 тип. зн. Зак. 1341.

Набрано в 1-й тип. Профиздата, Москва, Крутицкий вал, 18.

Отпечатано в тип. газеты «Правда» имени Сталина,
Москва, ул. «Правды», 24. Зак. № 872.

Гитлеровские бандиты сделали своим ремеслом убийства, грабежи и насилия. Нет предела кровавым злодеяниям разнузданных немецко-фашистских орд. Они поджигают мирные села и города. Они вешают стариков. Они насилуют женщин. Они убивают детей на глазах отцов и матерей.

Эти двуногие звери со свастикой не признают никаких законов войны. Раненых красноармейцев, оставшихся на поле боя, фашисты не только не подбирают, но добивают их прикладами и штыками, снимают с них сапоги и одежду. В захваченных районах они врываются в госпитали и, если находят там раненых, убивают их. Но самым диким, нечеловеческим мукам они подвергают пленных.

Немецко-фашистское командование в листовках, забрасываемых в расположение наших войск, обещает пленным милосердие. Кровавый зверь надевает на себя маску и пытается заманить в свое логово побольше жертв. Эти листовки написаны теми, чьи руки обгажены кровью замученных пленных. Гитлеровские подлецы, они смеют еще врать, что пленных ждет хорошая жизнь! Презренные лжецы! Не только

рассказы людей, вырвавшихся из немейких застенков, но и свидетельства самих врагов, документы, захваченные нами в боях, полностью изобличают преступления этих палачей.

В найденном под Рославлем дневнике старшего ефрейтора 4-го батальона 40-го пехотного полка Рихтера имеется запись: «1 июля. Мы расстреляли 60 пленных у штаба». В секретном приказе верховного германского командования № 1332—41, захваченном под Новгородом, говорится: «Каждый немецкий солдат должен проявлять превосходство в отношении военнопленных. Необходимо карать за снисходительное отношение к пленным». Матерых убийц призывают быть еще более жестокими!

Издевательства фашистских извергов над пленными красноармейцами не поддаются описанию. Они возродили для пленных средневековые пытки, но еще более изощренные и мучительные. Они выламывают им руки, отрезают уши, выжигают пятиконечные звезды на теле. Они заставляют пленных спать на клочках прогнившей соломы, на человеческих испражнениях. По несколько дней они не дают им воды и пищи. Германское верховное командование и министерство продовольствия и земледелия издали распоряжение, согласно которому советские военнопленные должны получать худшее питание, чем пленные других национальностей. Этот циничный приказ требует ввести режим организованного голода для пленных красноармейцев.

Труп красноармейца Палахина В. П., замученного гитлеровскими злодеями.

Тех, кого фашисты не успели сразу убить, они подвергают медленной и мучительной смерти. От фашистских негодяев ничего другого ждать не приходится. Но из их подлых злодеяний наши люди сделают все выводы до конца. За каждую жизнь красноармейца мы возьмем десятки жизней гитлеровских подлецов. Наши бойцы делают и другой вывод: лучше смерть в бою, чем фашистский плен. Сдача в плен —

это не только дезертирство с поля боя, за которое виновный будет навеки веков проклят советским народом; это не только несмываемый позор для его семьи, для его детей, — сдача в плен означает и верную, неминуемую гибель.

Фашистская сволочь получит сполна за все свои кровавые дела. Каждый воин Красной Армии не пожалеет сил, не пощадит и самой жизни, чтобы разгромить и уничтожить ненавистного врага.

В этой книжке собраны рассказы бежавших из немецкого плена, документы и другие материалы, из которых ясно видно, что представляет собой немецкий плен.

Каждый советский воин, ознакомившись с этими материалами, сделает единственно возможный вывод:

— Биться с врагом до последней капли крови, но не сдаваться ему. Лучше смерть, чем фашистский плен!

А для того чтобы положить конец зверствам и издевательствам немцев над нашими людьми, надо в точности выполнить указание товарища Сталина — истребить немецких оккупантов всех до единого, пробравшихся на нашу родину для ее порабощения.

Смерть немецким оккупантам!

1. ДОКУМЕНТЫ И ФАНТЫ О ЗВЕРСТВАХ НЕМЦЕВ

Нота Народного Комиссара
Иностранных Дел

тов. В. М. МОЛОТОВА

О возмутительных зверствах германских властей
в отношении советских военнопленных

Народный Комиссар Иностранных Дел тов. В. М. Молотов направил всем Послам и Посланникам стран, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, ноту следующего содержания:

«По поручению Правительства Союза Советских Социалистических Республик имею честь довести до Вашего сведения следующее:

Советское Правительство располагает многочисленными фактами, свидетельствующими о систематических зверствах и расправах, чинимых германскими властями над пленными красноармейцами и командирами Красной Армии. За пос-

леднее время эти факты стали особенно многочисленны и приняли особенно вопиющий характер, разоблачая тем самым еще раз германскую военщину и германское правительство как банду извильников, не считающихся ни с какими нормами международного права, ни с какими законами человеческой морали.

Советским Военным Командованием установлены многочисленные факты, когда захваченные в плен, большей частью раненые, красноармейцы подвергаются со стороны германского военного командования и германских воинских частей зверским пыткам, истязаниям и убийствам. Пленных красноармейцев пытаются раскаленным железом, выкалывают им глаза, отрезают ноги, руки, уши, носы, отрубают пальцы на руках, вспарывают животы, привязывают к танкам и разрывают на части. Подобного рода изуверства и позорные преступления фашистско-германские офицеры и солдаты совершают на всем протяжении фронта, всюду, где они только появляются и где в их руки попадают бойцы и командиры Красной Армии.

Так, например, в Украинской ССР на острове Хортица, на Днепре, после ухода немецких частей, выбитых Красной Армией, были найдены трупы пленных красноармейцев, замученных немцами. Пленным отрезали руки, выкалывали глаза, вспарывали животы. На юго-западном направлении у деревни Репки на Украине после отступления немцев с занятой ими позиции были

обнаружены трупы командира батальона Боброва, политрука Пятигорского и двух бойцов, руки и ноги которых были пригвождены к кольям, а на телах чернели пятиконечные звезды, вырезанные раскаленными ножами. Лица погибших были изрезаны и обожжены. Тут же, неподалеку, был найден еще один труп красноармейца, накануне попавшего к немцам в плен, с обгоревшими ногами, с отрезанными ушами. При взятии нашими частями деревни Холмы (Северо-Западный фронт) были обнаружены изуродованные трупы красноармейцев, причем один из них был сожжен на костре. Это был красноармеец Осипов Андрей из Казахской ССР. На станции Грейгово (Украинская ССР) немецкие части захватили в плен небольшую группу красноармейцев и несколько дней не давали им никакой пищи и воды. Нескольким пленным отрезали уши, выкололи глаза, отрубили руки, а затем закололи их штыком. В июле с. г. у железнодорожной станции Шумилино немецкие части захватили в плен группу тяжело раненых красноармейцев и тут же их добились. В том же месяце в районе города Борисова Белорусской ССР, захватив в плен 70 тяжело раненых красноармейцев, гитлеровцы всех их отравили мышьяком. В августе месяце под местечком Заболотье немцы захватили на поле боя 17 тяжело раненых красноармейцев. Три дня им не давали пищи. Затем все семнадцать истекавших кровью пленных красноармейцев были привязаны к телеграф-

ным столбам, в результате чего трое пленных красноармейцев скончались; остальные 14 были спасены от верной смерти подоспевшим советским танковым подразделением старшего лейтенанта Рыбина. В деревне Лагутино, в районе Брянска, немцы привязали к двум танкам раненого красноармейца и разорвали его на части. В одном из пунктов, западнее Брянска, недалеко от колхоза «Красный Октябрь», было найдено 11 обгоревших трупов бойцов и командиров Красной Армии, захваченных фашистами. На руках и на спине одного из красноармейцев остались следы пыток раскаленным железом.

Зарегистрирован ряд случаев, когда германское командование во время атак гонит под угрозой расстрела пленных красноармейцев впереди своих наступающих колонн. Такие случаи, в частности, зарегистрированы в районе совхоза «Выборы», Ленинградской области, в районе Ельни, Смоленской области, в Гомельской области Белорусской ССР, в Полтавской области Украинской ССР и в ряде других мест.

Возмутительным издевательствам, пыткам и зверским истязаниям систематически подвергаются раненые и больные красноармейцы, находящиеся в госпиталях, попавших в руки германских захватчиков. Имеется бесконечное количество фактов, когда беззащитных больных и раненых красноармейцев, находящихся в лазаретах, фашистские изуверы прикалывают и расстреливают на месте. Так, в М. Рудня, Смоленской

области, фашистско-германские части захватили советский полевой госпиталь и расстреляли раненых красноармейцев, санитаров и санитарок. Здесь погибли раненые бойцы Шаламов, Азимов, лейтенант Дилеев, санитарка 17-летняя Варя Бойко и др. Известны многочисленные факты насилия и надругательства над женской честью, когда в руки гитлеровских захватчиков попадают медицинские сестры и санитарки.

Гитлеровские разбойники не щадят даже захваченных в плен представителей медицинского персонала частей Красной Армии. В районе деревень Кудрово и Борисово, Ленинградской области, был зверски замучен начальник дивизионного медицинского пункта, военврач 3-го ранга И. С. Лыстого. Он весь был исколот штыками. В голове и плече имелись пулевые раны. Лицо носило следы диких побоев. Несколько в стороне, в лесу, нашли тело изуродованного санитаря П. М. Богачева. В другом месте валялся на дороге труп растерзанного шофера санитарной машины Горбунова.

В немецких лагерях для советских военнопленных больные и раненые красноармейцы не получают никакой медицинской помощи и обречены на вымирание от тифа, дизентерии, воспаления легких и других болезней. В германских лагерях для советских военнопленных царит полный произвол, доходящий до крайнего зверства. Так, в Порховском лагере пленных красноармейцев круглые сутки держат под открытым небом,

несмотря на холодную погоду. Рано утром их поднимают ударами палок и дубинок и выгоняют на работы, не считаясь с состоянием здоровья. Во время работы охрана, состоящая из финских и немецких солдат, непрерывно подгоняет пленных плетью, а заболевших и ослабевших красноармейцев забивает палками до смерти. В Чернухинском лагере на Украине за малейшее нарушение установленного порядка пленные систематически избиваются резиновыми дубинками и расстреливаются на месте без всякого предупреждения. Только за один день 17 сентября в Чернухинском лагере было расстреляно 95 человек.

Такое же зверское обращение с военнопленными практикуется немцами и на пересыльных пунктах, при переброске советских военнопленных. В районе с. Демьяновка Украинской ССР пересыльный пункт для военнопленных расположен под открытым небом. На этом пункте пленным дают только ничтожное количество вареного проса. Многие пленные умирают от истощения. Во время следования пленных к местам назначения ослабевших пристреливают на месте. При переброске советских военнопленных из Хорол в с. Семеновка на Украине красноармейцев заставляли все время бежать. Падавших от усталости и истощения немедленно расстреливали.

Среди солдат и офицеров гитлеровской армии процветает мародерство. С наступлением зимних холодов мародерство стало принимать массовый

характер, причем гитлеровские разбойники в погоне за теплыми вещами не считаются ни с чем. Они не только сдирают теплую одежду и обувь с убитых советских бойцов, но снимают буквально все теплые вещи — валенки, сапоги, носки, фуфайки, телогрейки, ушанки с раненых бойцов, раздевая их догола и напяливая на себя все, включая до теплых женских вещей, снятых с раненых и убитых медицинских сестер.

Пленных красноармейцев морят голодом, по неделям оставляя без пищи или выдавая ничтожные порции гнилого хлеба или гнилой картошки. Не давая советским военнопленным пищи, гитлеровцы заставляют их рыться в помойках и разыскивать там остатки пищи, выброшенные германскими солдатами, или, как это имело место в ряде лагерей, в том числе в лагере м. Корма Белорусской ССР, бросают советским военнопленным за колючую проволоку трупы дохлых лошадей. В Витебском лагере в Белоруссии пленные красноармейцы 4 месяца почти не получали пищи. Когда группа пленных красноармейцев подала немецкому командованию письменное заявление с просьбой выдать им пищу для поддержания жизни, немецкий офицер спросил — кто писал это заявление — и 5 человек красноармейцев, подтвердивших, что это заявление писали они, тут же были расстреляны. Аналогичные факты вопиющего произвола и зверств наблюдаются и в других лагерях (Шитьковский, Демьянский и др.).

Стремясь к массовому истреблению советских военнопленных, германские власти и германское правительство установили в лагерях для советских военнопленных зверский режим. Германским верховным командованием и министерством продовольствия и земледелия издано постановление, которым для советских военнопленных установлено питание худшее, чем для военнопленных других стран, как в отношении качества, так и в отношении количества подлежащих выдаче продуктов. Установленные этим постановлением нормы питания, — например, 600 граммов хлеба и 400 граммов мяса на человека в месяц, — обрекают советских военнопленных на мучительную голодную смерть. Бесчеловечно жестоко проводя в жизнь свой позорный и явно незаконный режим содержания советских военнопленных, германское правительство, однако, всячески старается скрыть от общественного мнения изданные по этому вопросу германским правительством постановления. Так, на соответствующий запрос Советского Правительства Шведское правительство сообщило, что опубликованные в европейской и американской печати сведения о вышеупомянутом постановлении германского правительства соответствуют действительности, но текст этого постановления не опубликован и поэтому недоступен.

Лагерный режим, установленный для советских военнопленных, является грубейшим и возмутительным нарушением самых элементарных

требований, предъявляемых в отношении содержания военнопленных международным правом и, в частности, Гаагской Конвенцией 1907 года, признанной как Советским Союзом, так и Германией. Германское правительство грубо нарушает требование Гаагской Конвенции, обязывающей воюющие страны обеспечивать военнопленных такой же пищей, как и свои собственные войска (ст. 7 приложения к 4 Гаагской Конвенции 1907 года).

Ввиду серьезной нехватки людских ресурсов в германской армии, гитлеровцы в отношении военнопленных идут на многие грубые нарушения Гаагской Конвенции 1907 года, подписанной Германией. В своей преступной практике систематических злодейских нарушений международного права германская военщина и германское правительство дошли до того, что избиениями и угрозами расстрела заставляют красноармейцев работать в качестве ездовых на повозках, на машинах и транспорте, перевозящем боеприпасы и другие военные грузы на фронт, в качестве подносчиков боеприпасов на огневые позиции и т. д. Все это делается в нарушение прямого запрещения Гаагской Конвенцией использования пленных на работах, имеющих какое-либо отношение к военным действиям.

Все эти факты свидетельствуют о наличии зверского кровавого режима, который царит в германских лагерях для советских военнопленных, о бесчеловечной жестокости гитлеровских

властей и о невыносимых страданиях, которые приходится испытывать красноармейцам и командирам Красной Армии, попавшим в плен к гитлеровским бандитам.

Все эти факты являются вопиющим нарушением со стороны германского правительства элементарных принципов и норм международного права и международных соглашений, подписанных представителями самой же Германии.

Доводя об этих ужасающих фактах до сведения всех стран, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, Советское Правительство с возмущением протестует перед всем миром против варварских актов нарушения германским правительством элементарных норм международного права.

Советское Правительство с негодованием протестует против зверского обращения с пленными красноармейцами со стороны германских властей, нарушающих самые элементарные нормы человеческой морали, и возлагает всю ответственность за эти бесчеловечные действия германских военных и гражданских властей на преступное гитлеровское правительство Германии.

Примите и пр.
В. МОЛОТОВ»

Москва, 25 ноября 1941 г.

РАССТРЕЛЫ НЕМЦАМИ ПЛЕННЫХ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ

Немцы не прекращают своих кровавых злодеяний. Наоборот, чем хуже становятся дела захватчиков, тем больше они звереют. Всюду, где наши войска теснят врага, немцы, отходя, совершают беспримерно чудовищные расправы над беззащитными людьми.

Соединение, где начальником политотдела батальонный комиссар Петряев, преследуя немцев на одном из участков Южного фронта, стремительным ударом выбило врага из поселка Ленинован и заняло его. На западной окраине поселка наши бойцы обнаружили трупы 32 красноармейцев и младших командиров, расстрелянных оккупантами. Эти жертвы фашистов попали в их лапы во время боев под Ростовом-на-Дону. Немцы пригнали их в Ленинован и силой оружия принудили обслуживать автотранспорт. А когда под натиском наших войск враг стал откатываться, все до одного пленные красноармейцы были расстреляны. Среди убитых бойцы нашли трех тяжело раненых, которых фашисты не успели добить. В числе расстрелянных гитлеровскими выродками — бойцы Гудзенко, Лапухов, Мищенко, Кононенко и другие.

Эта расправа — не исключение и не случайность. У хутора Кутерниково в том же районе было найдено 40 трупов пленных красноармейцев, расстрелянных оккупантами. Ниже мы приводим документ, говорящий сам за себя:

«Акт. 1941 года, ноября 24 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители д. Глутно Мало-Вишерского района Яковлева Мария Федоровна, Антонов Алексей Матвеевич и Федоров Петр Иванович, свидетельствуем, что за время нахождения немецких оккупантов в нашей деревне были произведены расстрелы раненых бойцов Красной армии.

15 ноября немецкий офицер вывел 8 раненых бойцов из квартиры Антонова, где они находились (и были захвачены немцами в плен), и по дороге к штабу расстреляли.

14 ноября перед квартирой Яковлевой М. Ф. были также расстреляны раненые красноармейцы, захваченные в плен. Отмечены также факты издевательств над трупами убитых бойцов: втыкание штыка в грудь и горло.

В чем и подписываемся:

Подписи: Яковлева, Антонов, Федоров»

Факты свидетельствуют, что немцы ввели в систему массовые расстрелы пленных красноармейцев.

Существует множество писанных и неписанных законов, обязывающих воюющие стороны к гуманному обращению с пленными. Немцы плюют на эти законы. Существует человеческая совесть и честь, — у немцев нет ни совести, ни чести. Кровью пленных они пытаются возместить свои военные неудачи. На муках пленных они хотят отыграться за крах своих планов. Большей подлости и большего злодейства мир еще не знал.

Массовые расстрелы пленных — последняя ступень озверения. Немецкая сволочь докатилась до этой ступени. Своими расправами над пленными красноармейцами гитлеровцы еще раз

Немецкие палачи замучили красноармейца. На снимке видна веревка, которой он был связан. Левый глаз выколот штыком.

разоблачили себя как банду оголтелых головорезов по призванию, убийц — по профессии. С таким врагом может быть только один разговор — пульей. К такому врагу нет и быть не может никакой жалости, никакого снисхождения.

Массовые расстрелы немцами пленных красноармейцев снова и снова напоминают нам, зачем

вторглись немцы на нашу землю, какую судьбу они замыслили всему советскому народу, всем воинам Красной Армии. Кровожадные и вшивые немецкие ублюдки хотят истребить нас. По трупам миллионов наших людей они пытаются прорваться к разгульной жизни. Но на кровь мы отвечаем кровью, на смерть — смертью. Три аршина земли — большего от нас ни один немец не получит.

Немцы хотели истребительную войну — они ее получили. Кровь наших людей, пролитая гитлеровцами, горит перед нашими глазами. Она зовет к беспощадному мщению.

Теперь, больше чем когда-либо, мы знаем, что зверства немцев являются выражением их слабости. Вся их тактика, все их расчеты в войне против Советского Союза строились на надежде запугать нас, деморализовать наши ряды. Но фашистский террор не ослабил, а наоборот, еще ярче разжег боевой дух наших людей, их волю к борьбе и победе. Каждый воин Красной Армии сделал из зверств немцев единственно возможный вывод: с таким врагом не может быть примирения, такого врага уничтожают.

Истребим всех немцев до единого, пробравшихся на нашу землю, проливших кровь наших людей! Еще сильнее гнать немцев, еще крепче бить по врагу!

НАПАДЕНИЕ НЕМЕЦКИХ СТЕРВЯТНИКОВ НА САНИТАРНЫЙ ПОЕЗД.

А К Т

Мы, нижеподписавшиеся, настоящим подтверждаем нижеследующее: доставив раненых к месту назначения, наш военно-санитарный поезд выехал в обратный рейс. 5 ноября сего года в 16 часов 50 минут на перегоне между разъездом Пальцево и станцией Кафтино Калининской железной дороги поезд атаковали с воздуха четыре фашистских самолета. Они подвергли нас бомбардировке и пулеметному обстрелу. Самолеты летели на небольшой высоте и ясно видели опознавательные знаки Красного Креста на крышах вагонов военно-санитарного поезда. Фашисты дали короткую пулеметную очередь по поезду, после чего сбросили 4 фугасных и несколько зажигательных бомб. Одна фугасная бомба прямым попаданием разбила и зажгла вагон № 15. Когда поезд остановился, мы подобрали раненых товарищей, выскочили из вагонов, сползли с железнодорожной насыпи и пытались укрыться в лесу. Фашисты с высоты бреющего полета открыли пулеметный огонь, чтобы помешать нам спасти пострадавших товарищей. Фашисты видели нас и охотились за нами. 30 минут мы лежали под непрерывным пулеметным огнем. Пули сыпались градом. Имеются жертвы.

Убиты:

1) Посошникова Вера Васильевна — врач-хирург.

2) Кузнецова Валентина Дмитриевна — медицинская сестра.

3) Прокофьева Фаина Ивановна — проводница ленинградского резерва Октябрьской железной дороги.

4) Барабанова Мария Павловна — проводница ленинградского резерва Октябрьской железной дороги.

5) Звонарев Иван Платонович — раненый красноармеец, следовавший в батальон выздоравливающих.

Ранены:

1) Овсянников Никита Васильевич — старший фельдшер.

2) Чернышев Николай Григорьевич — зав. складом военно-санитарного поезда.

3) Константинова Анна Григорьевна — медицинская сестра.

4) Тонких Константин Тихонович — санитар.

Все вышеизложенное мы видели и пережили лично, о чем собственноручно написали настоящий акт:

Масленникова В. Д. — медицинская сестра,

Сухаго С. И. — начальник аптеки,

Тонких К. Т. — санитар,

Овсянников Н. В. — старший фельдшер,

Чернышев Н. Г. — зав. складом военно-санитарного поезда.

НЕМЦЫ ДОБИВАЮТ РАНЕННЫХ

А К Т

Составлен 26 ноября 1941 г.

Мы, нижеподписавшиеся, гражданки Чекмарева Анна Кузьминишна, Мартынова Мария Николаевна, Мартынова Евдокия Николаевна, жители села Красnogоровка, Славяно-Сербского района, составили настоящий акт о нижеследующих зверствах фашистской армии.

23 ноября, заняв наше село, немцы захватили в плен раненого лейтенанта Красной Армии, над которым они учинили зверскую расправу. Лейтенанту выкололи глаза, разрубили топором живот. Затем корчившегося в предсмертных судорогах человека они облили керосином и, как оказалось впоследствии, подложили под него мину.

Спустя два часа к умиравшему лейтенанту подошел пионер 13 лет, ученик 5-го класса Серговской 18-й средней школы, Чекмарев Владимир Иванович с намерением чем-нибудь помочь ему. Только мальчик прикоснулся к лежавшему, как мина взорвалась, и истерзанный лейтенант и ребенок полетели на воздух. Осколками мины убило также проходивших двух колхозников.

Грозя оружием, колхозницу Прудникову Анну Яковлевну немцы заставили варить им обед, потом, заявив, что щи недосолены, они ранили ее выстрелом в голову и бросили в кладовую, где

она и умерла. Сын колхозницы Вася, пытавшийся оказать матери помощь, был зверски избит немцами. Колхозница Иванова Дарья, мать восьми детей, за отказ плясать перед группой офицеров была немедленно убита, и труп ее немцы выбросили к уборной.

Подписывая настоящий акт, просим товарищей бойцов и командиров отомстить негодьям-фашистам за эти мучения наших людей.

Чекмарева, Мартинова, Мартинова

НЕМЦЫ ПЫТАЮТ И СЖИГАЮТ ПЛЕННЫХ

А К Т

Составлен 26 ноября 1941 г.

Группа командиров и политработников после занятия нашими частями высоты Н. обнаружила на ней труп неизвестного красноармейца, оставленный отступившими немецкими частями. У бойца были отрезаны уши, вырезана часть кожи на лбу — от волос до носа, выколоты глаза, снята кожа на кисти правой руки и пальцах, а на левой руке со всех пальцев. Как явствует из осмотра трупа, все эти чудовищные зверства были совершены немцами, когда красноармеец был еще жив. После этой мучительной пытки боец был добит выстрелом в сердце.

Так расправляются гитлеровские негодяи с советскими воинами. За все это они заплатят сторицей!

*Командиры и политработники:
Л. Балицкий, П. Роменский, М. Нуликов*

А К Т

Составлен 25 ноября 1941 г.

Мы, нижеподписавшиеся, заместитель ответственного редактора газеты «Защитник Родины» батальонный комиссар Сологуб П. И., старший политрук Елецкий М. М. и заместитель начальника отдела армейской жизни редакции Бабенко И. Г., составили настоящий акт о нижеследующем:

Когда мы с передовыми частями Красной Армии вошли в село Волошино, Ростовской области, из которого были выгнаны немцы, то на северной окраине села в догоравшем сарае обнаружили 25 обуглившихся человеческих трупов. На основе показаний местных жителей установлено, что перед своим уходом немцы загнали в сарай 25 пленных красноармейцев, заперли их здесь и подожгли строение. Оpoznать сгоревшие группы не удалось.

Об этом злодеянии немцев мы и составили настоящий акт.

*Батальонный комиссар П. Сологуб
Старший политрук М. Елецкий
Старший лейтенант И. Бабенко*

НЕМЦЫ ИСТЯЗАЮТ ПЛЕННЫХ И ИЗДЕВАЮТСЯ НАД НИМИ

Обезумевшие фашистские хищники преступно нарушают международное право в отношении к раненым солдатам. Раненый красноармеец Зудин, отбитый нашими войсками из фашистского плена, рассказал следующее. Вместе с красноармейцем Федоровым он был захвачен немцами в полевом лазарете. После отказа отвечать на вопросы офицера о расположении частей Красной Армии раненые красноармейцы были избиты и подвергнуты зверским пыткам.

Красноармейца Федорова офицер пытал лично. Накаленным на огне костра штыком он прожигал Федорову руки, колот в грудь и в спину. Не добившись ответа, фашист застрелил Федорова. Зудина пытал офицер из штурмового отряда. Он отрубил ему несколько пальцев на руке, проколол ладонь правой руки и выбил глаз.

В нескольких километрах от колхоза «Свободный труд» фашисты захватили полевой лазарет, в котором находилось 23 тяжело раненых красноармейца. Штурмовики начали допрашивать красноармейцев, пытаясь получить сведения о расположении и огневой мощи частей советской армии. Не добившись своего, озверевшие фашисты в течение двух часов издевались над ранеными, сорвали повязки с ран, а затем

раненых бойцов повесили на телеграфных столбах вдоль улицы села.

В районе деревни М. немецкие танкисты захватили 18 раненых красноармейцев. Фашисты затащили раненых в овраг, выбили им прикладами зубы, а потом штыками выкололи глаза. Отступая из города К., немцы сожгли в бане 15 раненых красноармейцев и одного лейтенанта. Больных и раненых красноармейцев фашисты обрекают на голодную смерть. В приказе по 14-му немецкому пехотному полку предписывается: «Ни при каких обстоятельствах не выдавать военнопленным полноценных продуктов».

В деревне П. обнаружено 16 обезглавленных трупов красноармейцев и местных жителей. Все головы убитых найдены в 220 метрах от трупов. Два старика-колхозника из этой деревни рассказали красноармейцам: «Как только фашисты заскочили в деревню, они немедленно стали грабить. В кооперативе была водка. Немцы напились, а затем стали делить награбленное и подрались. Вечером солдаты по приказу офицера вытащили из избы раненых красноармейцев и начали их бить, а потом у всех отрубили головы. Ночью пьяные солдаты врываются в избы, хватали и насиловали женщин. Мужчины, заступавшиеся за своих жен и дочерей, были убиты».

В ходе боев за село Генеральское (около Ростова-на-Дону) группа раненых красноармейцев и командиров попала в фашистский плен. Не поддается описанию кровавая тризна, которую устроили над ними оккупанты. Один раненый красноармеец был облит бензином и заживо сожжен, второму разрубили на четыре части голову саперной лопатой, третьего, изрезанного ножами, раздели догола и выбросили на мороз под охраной часовых. Остальных пленных немцы вывели за село и расстреляли разрывными пулями.

Немецкая армия покрыла себя позором на века. Мы взываем с нее за все — и за слезы наших матерей и детей, и за смерть наших отцов и братьев, и за поруганную честь наших жен и сестер, и за разгромленные города и села. Расплата будет беспощадной, она уже недалеко.

В НЕМЕЦКИХ КОНЦЛАГЕРЯХ

Жители, вырвавшиеся из районов, временно захваченных немцами, рассказывают о страшных истязаниях, которые чинят фашисты над пленными красноармейцами. В концлагере, организованном немцами в городе Д., содержатся не только красноармейцы, но и все мужское местное население в возрасте от 16 до 60 лет. Спе-

циальным приказом германского командования оно также объявлено военнопленным. Концлагерь в этом городе создан на небольшой территории, обнесенной колючей проволокой. Все военнопленные содержатся в грязных, холодных сараях. Уборных в этих сараях нет, крыши протекают. Красноармейцы лежат на голой земле. Шинели, сапоги, а у многих и гимнастерки отобраны немцами. Пленных кормят один раз в сутки жидким супом из бурачных листьев; хлеба не дают. Недовольных этим режимом немцы жестоко избивают, а за попытки к бегству расстреливают.

В деревне Ростовское немцы захватили в плен пять тяжело раненых красноармейцев. Мужественные советские патриоты, несмотря на зверские пытки, не дали фашистам никаких показаний. Тогда гитлеровцы повесили красноармейцев. Одного из них повесили за ногу. В Минском лагере военнопленных каждый день от голода и издевательств умирает несколько десятков заключенных. В г. Корма заключенные в лагерь военнопленных раненые красноармейцы содержатся в поле под открытым небом. Немцы изредка бросают за колючую проволоку трупы дохлых лошадей. Никакой пищи пленные не получают. Местные жители попытались передать заключенным хлеб и яблоки, тогда фашисты открыли по ним огонь из пулеме-

тов. Три женщины были убиты. В село Васильевка фашисты доставили пять раненых пленных красноармейцев. Собрав крестьян, фашистский офицер произнес речь, в которой заявил, что он отпускает пленных красноармейцев на свободу. Через несколько дней партизаны нашли в 9 километрах от Васильевки зверски изуродованные трупы красноармейцев — жертв этой гнусной фашистской инсценировки.

Советским танкистам В. Куля, И. Князеву и Н. Костенко удалось бежать из фашистского плена. Вот что рассказали наши бойцы о фашистском лагере военнопленных, в котором они пробыли 12 дней: «Лагерь создан немцами на пустыре и обнесен высоким забором с колючей проволокой. В этом лагере, вместе с небольшим количеством красноармейцев, содержатся мужчины и подростки, начиная с 15—16 лет, не успевшие уйти с Красной Армией из оккупированных немцами районов. У всех загнанных сюда советских граждан немцы отобрали теплую одежду, а у пленных красноармейцев даже гимнастерки. Люди ходят по лагерю, как тени, от голода еле передвигая ноги. Воду немцы привозят один раз в день. Когда все бросаются к бочкам с водой, фашисты начинают стрелять. Ежедневно в лагере расстреливаются и умирают от голода и болезней 15—20 человек».

Вывавшиеся из фашистского плена красноармейцы Никитин, Тайкин и Максимов рассказали о зверском обращении немецко-фашистских

Красноармейцы-разведчики тт. Брагин, Терских и Иванов, замученные гитлеровскими бандитами.

мерзавцев с пленными бойцами и командирами Красной Армии.

«Нас, небольшую группу красноармейцев, попавших в плен, — сообщили они, — немецкие солдаты немедленно раздели, сняли полушубки,

перчатки, сапоги и босыми погнали по снегу на минное поле. На минах погибли 6 бойцов».

Бежавшая из захваченного немцами города Сольцы гр. Житникова рассказала: «Я видела, как фашисты вели по дороге 8 раненых и измученных красноармейцев. Немцы подталкивали их в спину штыками и били прикладами. Видя, что пленные дальше идти не могут, изверги расстреляли их тут же у дороги».

Житникова, находившаяся некоторое время вместе с другими мирными советскими гражданами в немецком лагере «для военнопленных» в селении Костун, рассказывает далее:

«Немцы давали нам всего лишь несколько мерзлых картошек в день. Работать заставляли с утра до поздней ночи. Однажды во время переключки женщина с ребенком обратилась к офицеру с просьбой освободить ее от работы. Офицер разрешил ей покинуть лагерь. Но не успела она сделать несколько шагов, как фашист выстрелил ей в спину и убил».

НЕМЦЫ ГОНЯТ ПЛЕННЫХ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ НА МИННЫЕ ПОЛЯ

Во время наступательных операций на Южном фронте в наши руки попал ряд документов германского командования.

Вот приказ по 76-й немецкой пехотной дивизии «№ 665/4П секр. 11 октября». В пункте 6-м,

где говорится о порядке разминирования объектов, лежащих впереди наступающих немецких частей, читаем: «Необходимо применять для работ, связанных с опасностью для жизни, пленных и отдельных лиц из местного населения».

В другом приказе, по 203-му пехотному полку немцев от 2 ноября за № 109, написано:

«Верховный главнокомандующий армии генерал-фельдмаршал Рунштедт приказал, чтобы вне боевых действий, в целях сохранения германской крови, поиски мин и очистка минных полей производились русскими военнопленными. Это относится также и к германским минам».

Подлинно, черным злодеяниям гитлеровцев нет предела. Один ответ у нас может быть немецким негодям и подлецам — безжалостное истребление их всех до единого.

2. РАССКАЗЫ БЕЖАВШИХ ИЗ НЕМЕЦКОГО ПЛЕНА

«УМАНЬСКАЯ ЯМА»

Рассказ старшего политрука С. Еворского

Попав в руки немцев после ранения в бою, я был брошен в концентрационный лагерь близ местечка Голованевское. Здесь я находился около трех недель, испытал вместе с другими заключенными, жителями оккупированных районов и пленными, все мыслимые и немыслимые человеческие муки. Гитлеровцы изощряются в издевательствах над советскими людьми как только могут.

В течение первых четырех дней нам не давали ни пить, ни есть. Только на пятый день нам принесли по две столовых ложки вонючего варева из концентратов, облитых керосином. Народ стал пухнуть и умирать от этой гадости, по 30—40 человек умирали ежедневно.

Никакой медицинской помощи не оказывали, люди гнили заживо. Раненые счищали червей с ран ложками. Так в жутких мучениях умерли зенитчик политрук Ткаченко и мой сосед крас-

ноармеец Афанасьев. Находившаяся среди нас медсестра Нина Фастовец попросила у коменданта лагеря несколько бинтов, чтобы перевязать раненых. За это ее тут же избили палками до потери сознания. Гражданский врач, старик, заключенный вместе с нами, фамилии которого я не помню, пытался чем мог помочь раненым. Узнав об этом, комендант вызвал его во двор и стал избивать палкой.

— Танцуй, русс, — приказал комендант, избивая 62-летнего врача. Старик не хотел этого делать, и избивание усилилось. Наконец, он не выдержал и под ударами начал танцевать. После этого его заставили стоять весь день, не двигаясь, на солнцепеке.

Население местечка Голованевское старалось помочь нам. Через провололочные заграждения нам бросали мед, фрукты, но все это забирали немцы.

В самых невозможных условиях советские люди сохраняли свое достоинство, заботились друг о друге. Из своего белья мы сделали бинты, которыми ночью, украдкой от фашистов, начали перевязывать раненых.

Через девятнадцать дней меня повели в другой лагерь. Я в последний раз оглянулся, прощаясь с товарищами, и увидел вокруг много могильных холмиков. Немного нас уцелело, в каждой могиле лежало 12—15 трупов советских людей, замученных здесь фашистскими палачами.

Колонну в новый лагерь гнали безостановочно, отстающих конвоиры расстреливали на месте. По дороге фашисты придумали для себя кровавую потеху: в то время как один приказывал строиться по четыре, другой командовал строиться по шесть; естественно, что из-за этого начиналась толчея, а за «невыполнение» приказа мерзавцы немедленно пускали в ход автоматы. Так в течение суточного перехода к Умани было зверски убито 64 наших товарища.

В Умани оказался еще более страшный концентрационный лагерь. Этот лагерь известен во всех захваченных районах Украины под названием «Уманьской ямы». Нас загнали в огромный глиняный карьер диаметром около трехсот метров. Отвесные стены этого карьера высотой до пятнадцати метров охраняли усиленным конвоем, открывавшим беспорядочную стрельбу из автоматов при малейшем движении в яме.

Здесь находилось несколько тысяч заключенных из пленных красноармейцев и гражданского населения, много железнодорожников из-под Аккермана. Управляли нами по радио. Каждое утро репродуктор выкрикивал приказ одной группе строиться у стены номер один, другой — у стены номер два, номер три и номер четыре. Стена номер два часто означала смерть, около нее расстреливались без всякого повода не поправившиеся чем-либо охране.

Голодали мы здесь еще больше, чем в Голованевском. Умерших от голода хоронили тут же

в яме; мертвых было так много, что мы не успевали их закапывать, да и закапывать было нечем. Для того чтобы как-нибудь согреться, некоторые из нас руками вырыли в стене норы. Стена обвалилась и похоронила под собой 36 человек.

Однажды фашисты затеяли своеобразный спектакль. Голодным людям кинули вниз раненую лошадь. Когда мы ее стали резать, наверху появился фотограф, который запечатлел это на пленке. Очевидно, таким путем создавалась очередная немецкая фальшивка, извращающая какие-то факты. У лошади собралось слишком много людей, фотограф был недоволен кадром, но автоматчик помог ему и убил несколько человек.

В этот же день тот же фотограф инсценировал в яме «гитлеровское милосердие». Среди нас находился старший лейтенант Новиков, который имел одиннадцать ран. Новиков был совершенно раздет, фашисты перед объективом аппарата перевязали ему раны и надели чистую рубашку. Однако, как только фотограф закончил свою работу, эту рубашку отняли у Новикова, сорвали с его ран все повязки и зверски избили.

Была у фашистов еще одна излюбленная забава — спускать в яму собак и натравливать их на нас. Не одному человеку перегрызли они руки и ноги. Практиковалась и такая пытка: раненого клали на землю и вливали в него через лейку ведро воды. В «Уманьской яме» я находился

всего несколько дней, но пережитого здесь никогда не забуду.

Из Умани меня погнали в Винницу. Однако по дороге я должен был перенести еще одно испытание. В пересыльном пункте у Гайсина было то же, что и в первых двух лагерях, только вместо палок палачи применяли резиновые дубинки.

В Гайсине мне удалось бежать. Когда в ближайшем селе я рассказал крестьянам, что вырвался из «Уманьской ямы», на меня смотрели, как на воскресшего мертвеца. Крестьяне отнеслись ко мне исключительно сердечно, переодели, накормили, указали дорогу.

Свыше полутора месяцев был я в лапах у немцев и каждый день снова и снова думал о том, что фашистский плен хуже смерти. Прежде я бы просто не поверил, что возможны такие зверства, какие творят немцы над советскими людьми. Но теперь я видел это собственными глазами, на себе испытал эту муку. До сих пор мои раны не зажили. Но сейчас я окружен товарищами, я — у своих, обо мне заботятся, и силы мои мало-помалу восстанавливаются.

Сейчас мне хочется только одного — чтобы поскорее зажили мои раны! Тогда я сполна рассчитаюсь за все с фашистскими негодяями. Я буду мстить им за кровь и страдания наших людей до тех пор, пока бьется мое сердце, я буду истреблять их беспощадно, как бешеных псов, как самых чудовищных гадин, какие есть только на земле.

ДИКИЕ ЗВЕРИ

Рассказ сержанта Новерсун

Наша рота прорвалась в расположение врага. Бой был упорный. Мы пошли в контратаку. В тылу боя вместе с несколькими бойцами, действовавшими под командой лейтенанта Крупеева, я забрался далеко и оторвался от своих.

Двигаясь в лесу, мы подверглись внезапному нападению врага. Сопrotивлялись упорно, но фашистов было во много раз больше, чем нас. Силы наши в конце концов иссякли, не стало

Раненые красноармейцы, зверски замученные гитлеровскими варварами в г. Ростове-на-Дону.

патронов. Нас окружили и взяли в кольцо. Началась чудовищная расправа. Варварским пыткам был подвергнут лейтенант Крупеев. Ему свернули голову, вырвали руки и продолжали надругательство над трупом. Зверски замучен был красноармеец Щупаев. Его пытали, кололи пятаки штыками, плевали в лицо, избивали. Потом ему размозжили череп прикладом.

Фашисты походили на зверей, упивавшихся человеческой кровью. Палачи действовали не торопясь и старались причинить своим жертвам наибольшие страдания.

Как я остался жив, сам не знаю. Меня истязали, кололи штыком, избивали прикладом. Повидимому, я потерял сознание, и фашисты сочли меня мертвым. Только это меня и спасло. Очнувшись я ночью. Изуродованные до неузнаваемости тела моих товарищей лежали рядом со мной. Собрав последние остатки сил, я стал ползти вперед. Неимоверно болели руки и ноги. Кровь сочилась из ран. Я полз, напрягая всю свою волю.

Я знал, что свои где-то недалеко, и это ободряло меня. Но доползу ли до них, хватит ли сил? Мне казалось, что я передвигаюсь долго, бесконечно долго. Наконец, я услышал родной голос.

— Кто идет? — спросил часовой.

Это были свои, мой родной полк, дорогие мои товарищи.

Наутро, лежа на траве, весь перевязанный, я рассказал бойцам и командирам о виденном и

пережитом. Какой злобой загорелись их глаза, как сжимались от ненависти к врагу их руки. Варвары не уйдут, от нашей мести. За каждую жизнь советского бойца фашистские гадины расплатятся десятками жизней.

В ЛАПАХ НЕМЕЦКИХ ОФИЦЕРОВ

Рассказ заместителя политрука Петросяна

Бойцы и командиры одного из полков орденоносной дивизии, выбив немцев с занимаемого рубежа, выбрали здесь истерзанного заместителя политрука тов. А. А. Петросяна. На щеках Петросяна были вырезаны пятиконечные звезды, грудь и спина изрезаны лезвием бритвы. На теле много синяков и ссадин, несколько пулевых ран.

После того как ему была оказана медицинская помощь и товарищ Петросян немного отдохнул, он рассказал следующее:

«В районе местечка Н. противник ввел в бой свои резервы. Обстановка была сложная, напряженная.

Выносить раненых с поля боя было очень трудно. Командование поручило мне во что бы то ни стало эвакуировать раненых бойцов и командиров.

Когда я подобрался к одному раненому, чтобы вынести его в безопасное место, ко мне подползли два человека в форме Красной Армии — один со знаками различия старшего лейтенанта, другой — старшины. Неожиданно они схватили

меня за руки, зажали рот и стали бить. Это были переодетые немцы.

Я долго сопротивлялся, но двое одолели меня. Избив, они отобрали наган, гранаты, сумку с бутылками. Затем они поволокли меня в лес, затащили в какую-то землянку. Здесь было шумно. Разговаривали немцы — мужчины и женщины.

Вся эта полупьяная компания набросилась на меня. Вначале они связали мне руки, потом стали обыскивать карманы.

Вскоре в землянку зашел еще один офицер. Он также обшарил мои карманы и несколько раз ударил по лицу. Изловчившись, я укусил злодея за ухо. Офицер застонал, закружился, схватил лезвие бритвы и в бешенстве раз десять саданул меня лезвием в грудь. При виде крови все мерзавцы пришли в неопиcуемый восторг. Они смеялись, громко выкрикивали:

— Вот тебе, молодой комиссар!

После этого начали обыскивать меня. В маленьком кармане гимнастерки они нашли звездочку. Офицер, схватив ее, сказал что-то женщинам. Затем они приложили эту звездочку к моей правой щеке и стали вырезать очертания звездочки на коже.

Несмотря на боль, я не произнес ни одного слова. Тогда офицер стал вырезать звездочку и на левой щеке.

В это время в землянку вошел второй офицер. По чину он был старше всех присутствующих.

Он подошел ко мне и предложил папиросу. Я отказался.

Офицер показал мне несколько фотокарточек. Он хотел убедить меня в том, что снятые на них люди добровольно сдались немцам.

— Это ложь, — ответил я.

Меня хотели заставить подписать бумажку, озаглавленную «Обращение к русским солдатам». Я отказался, заявив при этом:

— Умру, но никогда не изменю своей Родине!

Офицер, сохраняя внешнее хладнокровие, продолжал беседу. Вдруг он, как бы невзначай, спросил номер нашей части и ее расположение.

Я ничего не ответил.

Тогда офицер встал, прошелся по землянке и отрывисто сказал:

— Мы решили вас расстрелять!

Ко мне подбежали немцы и сорвали с меня одежду. Сняв нательное белье, они начали избивать меня, выдергивать волосы из моей груди.

От нестерпимой боли закружилась голова. Я упал. После всех издевательств враги вывели меня на улицу. Здесь около землянки лежали два замученных красноармейца. Лица их были изрезаны ножами.

— Могилу рой на троих! — крикнул мне немецкий ефрейтор.

Я взял лопату и стал копать.

Два офицера и ефрейтор наблюдали за работой. Они вынесли к могиле отобраанные у меня гранаты и бутылки с горючим.

Вскоре сюда подкатил мотоцикл. Это был, вероятно, связной из штаба. Он отозвал офицеров в сторону и что-то им передал.

Ефрейтор, охранявший меня, стал прислушиваться к разговору.

В этот миг у меня явилась мысль убить ефрейтора, охранявшего меня. Размахнувшись, я ударил его лопатой по голове. Фашист упал без единого звука. Тут же я схватил гранаты, сумку с бутылками. Связку гранат бросил в офицера, а одну гранату в окоп.

Раздался выстрел. Пуля попала мне в ногу, вторая задела голову. Оказалось, что один из офицеров был еще жив. Но все же я успел наброситься на бандита и задушить его. Наконец, я пополз к линии фронта. Силы мне изменяли, по лицу текла кровь.

Около линии обороны немцев я заметил двух немецких солдат. Они стояли на моем пути. Свернуть я уже не мог, нехватало сил. Собрав всю энергию, я привстал и мгновенно швырнул в фашистов бутылку с горючим. Липкая горячая жидкость попала на немецкие гранаты. Получился страшный взрыв. Осколками гранат был ранен и я.

Что произошло потом, не помню. Очнулся я уже на руках красноармейцев и командиров».

НАПАДЕНИЕ ГИТЛЕРОВЦЕВ НА ГОСПИТАЛЬ

Рассказ военврача 3 ранга Иванченко

Мне довелось видеть немало зверств немецких фашистов, от которых стынет кровь в жилах. На станции С. гитлеровцы сожгли госпиталь, в местечке Рудня они разрушили бомбами детский дом. И сейчас еще у меня перед глазами трупы семидесяти женщин и детей, залитых кровью, обезображенных, с оторванными руками. Но то, что совершили немецкие палачи над ранеными красноармейцами нашей части, не поддается описанию.

Бой начался в 5 часов утра. Наша часть, несмотря на сильный огонь врага, упорно отстаивала позиции у деревни И. Не имея помещения для госпиталя, мы перевезли раненых на опушку леса, и я приступил к операции бойца, раненого разрывной пулей. Мне помогала одна из санитарок, семнадцатилетняя Варя Бойко.

Неожиданно к опушке пробились рота немцев и открыла по госпиталю огонь из винтовок и автоматов. Пули косили раненых, поднимавших головы с повозок. «Здесь шпиталь, шпиталь!» — громко закричал я. Фашистские негодяи отчетливо слышали мой голос, ясно видели, что это госпиталь, но и не подумали прекратить бешеную стрельбу.

Окружив повозки, немцы бросились обыскивать раненых, выворачивали их карманы, выта-

скивали деньги, часы, носовые платки — все, что попадалось. Когда солдаты закончили грабеж, офицер приказал раненым подняться и положить руки на головы. Раненый в руку красноармеец Шаламов, которому я всего за час до этого сделал операцию, не мог, конечно, поднять руки. Очкастый фашист в форме офицера с красным крестом на воротнике в упор выстрелил в Шаламова. Пуля пробила ему плечо, кровь залила всю гимнастерку. Тотчас я подбежал к бойцу и начал перевязывать его. Немецкий фельдшер ударил меня прикладом.

— Вы же фельдшер! — вскричал я вне себя от негодования по-немецки. — Зачем вы воюете с ранеными?

Вместо ответа он еще раз ударил меня прикладом, и я упал.

К моей славной помощнице, санитарке Варе Бойко, подскочили двое солдат. Они обыскали ее и подвели к фельдшеру. Тот спросил что-то. Маленькая санитарка спокойно взглянула в перекосенное злобой лицо врага и промолчала. Фельдшер повторил вопрос: кто из раненых командиры. Девушка отрицательно покачала головой. Тогда немец, отвратительно ругаясь, приставил винтовку к ее груди. Девушка разжала губы и плюнула мерзавцу в лицо. Немедленно раздался выстрел. Так погибла замечательная советская патриотка, чей светлый образ я навсегда сохраню в своей памяти.

Гитлеровский ублюдок в чине фельдшера про-

должал издеваться над ранеными бойцами и командирами. Он ходил от повозки к повозке и прикладом избивал раненых, стараясь угодить по самому больному месту. Ударом приклада он раздробил череп тяжело раненому в голову лейтенанту Дилееву. Лежавший рядом с Дилеевым красноармеец Азимов пытался помочь лейтенанту. Фельдшер-палач в упор застрелил красноармейца.

Не знаю, сколько еще продолжалась бы дикая расправа гитлеровских головорезов над ранеными, но тут невдалеке раздалось «ура». Группа наших бойцов подошла на выручку госпиталя. Фашисты открыли огонь из автоматов и минометов, однако долго стрелять им не пришлось. Выскочивший из кустов ездовой Молчанов навалился на минометчика, выхватил у него штык и всадил ему в спину. С этим же штыком отважный ездовой ринулся на офицера и заколол его. Увидя, что офицер убит, немцы поспешно подняли руки. Поднял руки и фельдшер-палач. Он упал на колени и молил о пощаде. Он был жалок и мерзок в эту минуту — убийца и трус.

Гневом и яростью наполняется мое сердце всякий раз, когда я вспоминаю об этой чудовищной расправе немецких дикарей над ранеными красноармейцами и командирами. Месть, беспощадная месть ненавистному врагу!

Библиотека

Книга

№

Селиванова

МОРИЛИ ГОЛОДОМ, МУЧИЛИ И ИЗДЕВАЛИСЬ

Рассказ красноармейца Степана Сидорина

Во время боя в районе села Каменка меня ранило в грудь, и я потерял сознание. Очнувшись, я увидел вокруг себя немцев. Они обливали меня водой, подносили к телу горящие спички. Таким вот способом фашистские бандиты приводят в чувство раненых красноармейцев, попавших к ним в лапы.

Немецкий офицер спросил меня о чем-то на своем языке. Ничего не понимая, я молчал. Тогда по знаку офицера два солдата схватили меня за руки и начали выворачивать их. Офицер, наблюдавший за этой дикой сценой, выкрикивал какие-то ругательства.

Силы покидали меня, страшная боль пронизывала тело. Но я твердо решил ничего не говорить. Начались пытки: били прикладами по спине, переворачивали и били сапогами в живот. Потом один гитлеровец ударил меня чем-то тяжелым по голове, и я вновь впал в забытие.

Очнулся весь мокрый: видимо, фашисты опять поливали водой. Два солдата волоком потащили меня по земле. Ныли голова, грудь, спина, руки. Сквозь темноту я различал фигуры нескольких наших бойцов. Одни из них стонали от ран и побоев, другие лежали, не двигаясь; потом я узнал, что они уже давно умерли, но их не хоронили.

Так мы провалялись на сырой земле полдня. Ни пищи, ни воды нам не давали. Обессиленные, мы шли медленно, часто спотыкались. Солдаты подгоняли нас прикладами и штыками.

У входа в избу стоял офицер. Он предложил нам чай, хлеб, сало — добро, награбленное у наших колхозников. Мне страшно хотелось есть и при виде пищи закружилась голова. Но, поборов себя, я отказался от фашистского завтрака. Отказались от него и мои товарищи. Гад хотел купить нас за кусок хлеба и выведать нужные ему сведения. Но он просчитался: советского человека не подкупишь.

Офицер ядовито произнес «Гут» и махнул рукой. Нас опять отвели в сарай, морили голодом, даже глотка воды не дали. Один тяжело раненый умирал и в бреду все время просил: «Пить, пить, пить». Часовой с бешенством открыл дверь и сапогом дважды ударил в лицо умирающего. Спустя пять минут он скончался. Днем сильно палило солнце, в сарае трудно было дышать от жары и запаха разлагавшихся тел умерших, которых попрежнему никто не убирал.

Вторые сутки мы лежали без перевязок, воды и пищи. Вечером немцы начали уводить пленных по одному. Бойцы возвращались окровавленные, с распухшими лицами, с выбитыми зубами и рассказывали, что гитлеровцы ставили перед ними еду и, не давая притронуться к ней, допрашивали. Но никто ни слова не говорил бандитам,

и вот, вымещая свою злобу, фашисты принимались бить раненых чем попало.

Ночью опять выволакивали из сарая и тут же убивали. Мы слышали глухие удары, стоны, озлобленные выкрики врагов. На рассвете в сарай вошел офицер и, обращаясь к солдату, сказал: «Русс хочет кушать. Накормим». Солдат принялся колоть нас штыком.

Вдоволь поиздевавшись, солдат вывел нас, последних десять красноармейцев, оставшихся в живых, и погнал в поле, где рос овес. Тут у меня созрел план побега. Упав в овес, я притворился, что ем его, а сам стал переползать с места на место. Так добрался до ручейка, утолил жажду и бегом — в лес. На другой день я уже был среди своих.

Никогда не забуду я кровавых зверств фашистов. За кровь моих товарищей, за расстрел раненых, за все гитлеровская свора получит сполна.

ВЕСЬ МИР ДОЛЖЕН ЗНАТЬ О ЗВЕРСТВАХ НЕМЦЕВ

Письмо старшего сержанта Жарнова

Коллектив Чусовского металлургического завода получил из Н-ского госпиталя письмо от бывшего работника завода — старшего сержанта В. Н. Жаркова.

«Передаю всему рабочему коллективу боевой красноармейский привет, — пишет тов. Жарков. — Я имел счастье биться с наглым врагом с ору-

жием в руках на передовых линиях, защищать нашу счастливую Родину.

В боях 17 и 18 июля я получил рану в глаз и обе руки. Ранение вывело меня из строя. Я был помещен в полевой госпиталь, расположенный на опушке леса недалеко от передовой линии. Вечером 19 июля отдельная вражеская моторизованная колонна прорвалась через нашу линию обороны и отрезала полевой госпиталь от основных сил. Мы оказались невольно в тылу у врага. Как сейчас помню, с каким спокойствием наши бойцы и командиры встретили показавшихся в госпитале немецких офицеров. Всем раненым бойцам немецкий офицер предложил на чистом русском языке подняться. Тяжело раненые насильно и грубо были подняты и посажены на койки.

Командиров и политработников, коммунистов и комсомольцев офицеры отобрали в отдельную группу и стали беспощадно избивать прикладами. Ни одного стога не издали эти герои. Они смело смотрели в глаза смерти. После истязаний их вывели из госпиталя и расстреляли. У остальных больных офицеры пытались добиться сведений о расположении, численности и вооружении наших частей. Но безуспешно. Ни один не проронил ни слова. Тогда офицеры предложили производить допрос каждого в отдельности. По списку всех раненых по одному стали вызывать к офицеру.

Через некоторое время вызвали к офицеру меня и предложили водки, но я категорически

отказался пить. Офицер, разъяренный, подскочил ко мне, выхватил пистолет, наставил на меня и предложил говорить все, что знаю. Я молчал. Офицер был в бешенстве. Затем он ударил меня рукояткой пистолета в зубы, и я потерял сознание. Очнулся в сарае с мыслью бежать из этого ада пыток. У сарая стоит немецкий часовой. Составляю план бегства. По поведению часового можно было видеть, что он спокоен за нас: куда побегут раненые, избитые, еле живые, истекающие кровью люди! Прошу часового отвести меня в уборную. Часовой небрежно указал на уборную, находящуюся в нескольких десятках шагов от сарая. Задняя ее стенка была забита наскорою руку старыми досками. Резким ударом сапога отбиваю несколько досок и вылезаю. Часовой не видит. Скрываюсь во ржи и бегом направляюсь к лесу. Прошло несколько минут, все тихо. Вот и лес, впереди свобода. Слышу, сзади поднялся шум и прозвучал одиночный выстрел. Мое бегство открыто. Напрягаю последние силы, чтобы добежать до леса. Вот опушка. Сзади меня нагоняет немецкий солдат и предлагает остановиться. Чувствую, что больше бежать нет сил, и падаю на землю. В нескольких метрах от меня на немецкого солдата вдруг бросаются два человека. Одно мгновение — и солдат мертвый лежит на земле от удара ножа. Это были два колхозника, они наблюдали за моим бегством и вовремя оказали мне помощь. С их же помощью я скрылся в лесу.

16 дней я находился в тылу у врага. Днем лежал в лесу, а ночью передвигался к своим. Два дня меня скрывали колхозники в одной захваченной немцами деревне. Наконец, я добрался до своих.

В эти 16 дней я увидел многое. Немецкие звери в каждой деревне жутко расправляются с мирным населением. Расстрелы, избиения мирных жителей, насилия над девушками — обычное явление. Продукты питания и одежду немцы отбирают у мирного населения дочиста. Все население с ненавистью и жгучей злобой встречает фашистских захватчиков. Все мужское население, даже старики, скрывается в лесу, создавая партизанские отряды. Весь мир должен знать о зверствах немецких фашистов.

Призываю вас, дорогие товарищи, к самоотверженному, героическому труду на вашем заводе»

3. ЛУЧШЕ СМЕРТЬ, ЧЕМ ФАШИСТСКИЙ ПЛЕН

ВОЗМУТИТЕЛЬНЫЕ ЗВЕРСТВА НЕМЦЕВ НАД ПЛЕННЫМИ

Бой затихал. Младший командир был ранен в ногу. Превозмогая адскую боль, он полз по заснеженной лощине к своим. На белом покрове земли оставался кровавый пунктир его следа. Внезапно из лесочка выскочила группа немецких солдат. Фашисты, увидев раненого командира, набросились на него со всех сторон.

Так младший командир попал в плен. Его приволокли к штабу вражеской части. На крыльце избы стоял молодой офицер с одутловатыми, посиневшими на морозе щеками. Обессиленный от потери крови, младший командир едва поднимался по ступенькам крыльца. Офицер изо всей силы ударил командира кулаком в спину и пробурчал, обращаясь к стоявшим неподалеку офицерам:

— Зачем их допрашивают? Все равно они держат язык за зубами. Не лучше ли их на виселицу!

Из фашистского штаба командира вынесли в обморочном состоянии. Лицо его было в ссади-

зах и кровоподтеках. Через пять минут его повесили на придорожной осине.

На следующий день несколько офицеров устроили страшный тир. Мишенью им служил повешенный. С расстояния в 300 метров они стреляли в мертвеца.

Все это рассказал солдат 11-й роты 8-го немецкого мотополка Альфонс Кункель, перебежавший на нашу сторону. Каждый день войны с немецкими захватчиками приносит новые подтверждения того, что фашистская военщина втоптала в грязь все человеческие законы. Она, разумеется, не соблюдает международных правил содержания военнопленных. Тот, кто попал в немецкий плен, находится вне всякого закона.

Лейтенант Худенко проник в тыл врага с разведывательными целями. Он был свидетелем жуткой картины. По дороге вели группу пленных красноармейцев. Они шли полуголые, ступая босыми ногами по снегу. Немецкие конвоиры нацепили на себя ватники бойцов, их сапоги и ушанки. Один из красноармейцев нагнулся и взял горсть снега. Видимо, его мучила жажда. Он не смог ее утолить. Прогремел выстрел, и красноармеец упал. Немецкий офицер пнул ногой его бездыханное тело и не спеша спрятал свой пистолет в кобуру.

С особенным остервенением немцы добивают раненых бойцов. В двух километрах южнее села Акимовка остановилась наша грузовая машина. Она следовала в полковой госпиталь, но

В пути заглох мотор. В машине лежало четверо раненых бойцов. Их сопровождала девушка — лекпом. Группа немецких автоматчиков, появившихся на дороге, окружила машину.

Со слезами на глазах жители Акимовки рассказали о дальнейшей судьбе тех, кто находился в грузовике. Девушку немцы раздели донага, изнасиловали и убили. Четверо фашистов открыли борт машины, влезли в нее и на глазах у бойцов начали бросать жребий — кому какого пленного застрелить. Это занятие их, видимо, очень развлекало. Один уличил другого в неправильном броске монеты, и они продолжали свою зловещую «игру» сначала.

Раненые смотрели на немцев, еще не понимая того, что их ждет. Наконец, распределив жертвы, немцы открыли пальбу. На мгновение машину заволочло дымом, и когда он рассеялся, открылось чудовищное зрелище.

Трупы убитых были сброшены на землю, а четверо немцев, перепачканных кровью, брызнувшей из ран бойцов, стояли в грузовике, самодовольно усмехаясь. Они позировали. Пятый автоматчик навел на них объектив маленького фотоаппарата. Убийцы спешили «увековечить» свое преступление. Они хотели получить карточку на память о советской стране. Но наша память сохранит в сознании народа дикие сцены фашистских зверств над пленными лучше, чем любая фотография. Мы ничего не забудем!

Мы не забудем того морозного дня, когда

группа немецких мотоциклистов, выскочив из леска, неожиданно перерезала путь санитарной машине, двигавшейся по дороге между селом Подвысокое и хутором им. Шевченко. Раненые, лежавшие в ней, разделили участь своих братьев, погибших у села Акимовка.

Утонченные садистские методы, к которым прибегают фашисты, чтобы умерщвлять наших людей, вызывают ужас и такое негодование, которое можно измерить лишь силой нашей ненависти к злодеям. Мотоциклисты, соскочив с машин и зябко переминаясь с ноги на ногу, на

Труп заместителя политрука 7-й роты, комсомольца Василия Игуменова, который был заживо сожжен фашистами.

ломаном русском языке обратились к раненым бойцам. Один из фашистов сказал:

— Кальт, это есть холод! Эйн момент — мы будем немножечко согреться!

Мотоциклисты облили санитарную машину бензином и подожгли ее. Пламя разгоралось все сильнее. Машина горела вместе с бойцами. Мотоциклисты окружили ее. Глядя на этот живой костер, они обменивались довольными восклицаниями и протягивали свои закоченевшие руки к пламени.

Немецкие солдаты и офицеры планомерно осуществляют программу и указания лидеров гитлеровской партии и фашистского командования, программу и указания людей, потерявших человеческий облик и павших до уровня диких зверей. Эти варвары, лишенные совести и чести, с моралью животных, терзают пленных и раненых красноармейцев.

Один из этих двуногих зверей, ефрейтор Гельмут Глунк, записал в своем дневнике: «Трое пленных. Они забиты досмерти. Нельзя думать, что это жестоко. Таков приказ командования. Мы выполняем его не без удовольствия». Другая запись: «Для русских нет пощады. Вообще война с ними получила совсем другой вид. Таким образом, взятие в плен отпадает. Но если это происходит, то я им не завидую».

Мы не забудем и этих циничных строк, написанных рукою палача. Пусть знает каждый воин

Красной Армии, что фашистский плен — это застенки, это хуже смерти. Долг наших бойцов — истреблять кровавых фашистских псов, врагов русского народа.

Полной комиссар М. Бурцев

СМЕРТЬ ЛУЧШЕ ФАШИСТСКОГО ПЛЕНА

Около села Медведь, у станции Городище, фашисты устроили лагерь военнопленных. Большой выгон обнесли колючей проволокой, на углах поставили пулеметы — они направлены на лагерь. Вдоль проволоки с винтовками наперевес ходят часовые.

Голая земля — это и есть «лагерь». Когда пленные, чтобы как-нибудь укрыться от холода и непогоды, стали рыть себе норки в земле, устилать их травой и соломой, а некоторые попробовали соорудить что-то вроде навеса из веток и досок, явился пьяный офицер и, грозя револьвером, разбросал все ветки, заставил зарыть ямки.

— Ты и так проживешь, русская свинья!

Немного ниже уборной выкопана яма, в которой собирается болотная вода, сюда же грязными потоками стекают нечистоты. Из этой ямы немцы заставляют пленных брать гнилую, зараженную воду для питья.

Первое время никакой пищи не дается совершенно.

— Хочешь кушать, меняй вещи, русс! — издевательски предлагают бандиты.

А когда пленные стягивают с плеч последние гимнастерки (сапоги отбираются сразу же, ни у кого не остается уже ни часов, ни, конечно, денег), у них отнимают их, бьют и приговаривают:

— Ага, ты, значит, мог сбойтись без нее, а зачем держал?

Через несколько дней всех прибывших выгоняют на работы. Солдаты идут по лагерю и ударами прикладов, уколами штыка заставляют строиться. Те, кого гонят работать, будут получать по миске какой-то зеленой бурды и несколько картофелин в день. А работа от зари до зари. Босые, полураздетые, изможденные люди таскают на дороги камни, бревна, роют землю, переносят грузы. За каждой партией стоят надсмотрщики, вооруженные плетками и простыми палками. Они бьют тех, кто шатается от усталости, погоняют, как выючных животных, и просто пристреливают упавших, выбившихся из сил.

Это не просто рабство. Мир не видел еще таких издевательств не только что над людьми — над скотом!

Когда один пленный подобрал валявшуюся у лагеря листовку, в которой немецкое командование расписывает «сытую и удобную жизнь» в плену, и протянул ее караульному офицеру, гитлеровец сбил несчастного с ног и стал топтать сапогами. Вот цена их лживых слов!

Часто за проволоку заходят «поразвлечься» группы пьяных офицеров. Нельзя передать на бумаге, что проделывают эти звери над беззащитными людьми.

Не проходит и дня, чтобы, несмотря на жестокий надзор, из лагеря не бежало несколько пленных. Пойманным грозит смерть на месте, оставшимся — поголовная порка, заподозренным в сочувствии — расстрел, но все равно смерть лучше фашистского плена.

НЕ ЗАБУДЕМ, НЕ ПРОСТИМ!

История войн еще не знала примеров такой бессмысленной жадности убийства, какая свойственна фашистским людоедам. Даже диким ордам Тамерлана, прославившимся свирепостью, далеко до иступленного озверения гитлеровских палачей.

Особенно велика звериная ненависть фашистов к пленным красноармейцам. Жизнь издана установила незыблемый закон войны: раненый противник неприкосновенен, а мертвый заслуживает уважения. Фашизм цинично отверг эти установления: раненый противник заслуживает пыток, мертвый — позора, а здоровый, пусть он трижды обезоружен, — и пыток, и позора. Таковы правила фашистских мерзавцев.

Сейчас уже не приходится говорить об отдельных случаях зверств. В руки советского командования попали документы, указывающие на

то, что пытки и умерщвление пленных красноармейцев — это система в фашистских войсках, установленная официальными приказами.

Распоряжение по тылу 16-й немецкой армии обязывает с ранеными пленными обращаться так же, как и со здоровыми. Один из последних приказов главной германской квартиры, уведомя армии о скорой присылке инструкций относительно содержания пленных, рекомендует пока что питать их на основе «самодетельности». Хочет есть — пусть сам и достает пищу. Вот что значит гитлеровский приказ «с ранеными пленными обращаться так же, как и со здоровыми». Но сидя за колючей проволокой, само собой разумеется, ничего нельзя достать.

Из глубокого немецкого тыла вышло пятеро красноармейцев, сражавшихся 52 дня бок о бок с партизанами. Вот что они рассказывают.

На шоссе, под проливными дождями, целую неделю валялись раненые красноармейцы, попавшие в плен. Немцы бросили их на произвол судьбы, не лечат, кормят раз в день пареной свеклой, за которой посылают самих же раненых.

В лагере пленным выдают на день стакан ржи (в зерне) и стакан воды. Хочешь — вари кашу, но ее варить негде и не в чем. Хочешь — жуй зерно сырым.

Смертность среди пленных, с которых давно уже сняты шинели и сапоги, необычайно велика. Трупы умерших от истощения лагерь обязан убирать своими силами.

Партизан С. Сивцов, вышедший из села Покровское, свидетельствует, что издевательства над пленными красноармейцами делаются день ото дня ужаснее. Однажды немцы, узнав, что пленный — танкист из части, которая нанесла им большие потери, щипцами оторвали пленному половые органы.

Приходя в деревни, немцы ищут, нет ли красноармейцев среди колхозников. Поиски просты. Срывается с головы шапка, и если голова коротко обстрижена — красноармеец, если прическа — командир. По этому признаку десятки и сотни гражданских людей приговариваются к расстрелу, как переодетые красноармейцы.

В городке Порхов в числе пленных красноармейцев оказалось несколько местных уроженцев. Родные обратились с просьбой позволить им кормить своих. Комендант выдал родственникам трупы. «Это будет дешевле», — сказал он.

Дьявольская изощренность фашистских изуверов не знает границ. Содрав с пленного шинель и сапоги, его иногда отпускают, а на другой день расстреливают как партизана, ибо переодетый военнослужащий — партизан; человек, появляющийся ночью на улице или на дороге, — тоже партизан.

Трудно писать обо всем этом.

Страшен будет конец этих тварей, ошибочно выглядящих людьми!

П. Павленко